

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ ГОГОЛЯ РАБОТЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Сообщение А. Вейнберг

Тарас Григорьевич Шевченко всю жизнь смотрел на живопись как на свою основную профессию, хотя никогда себя не считал великим мастером. Когда он по свирепому приговору Николая I сослан был на десять лет без права писать и рисовать, его сильнее тяготило последнее: «Это самое большое из моих несчастий! — пишет он Жуковскому. — Умоляю вас, сжальтесь надо мной, исходатайствуйте мне позволение. Вы это можете — только рисовать! Оживите меня убитого!»¹ Мы у него встречаем самые разнообразные виды живописи: бытовую, жанровую, пейзажную, но главным образом портретную. К ней он возвращается и после того, как жизнь жестоко выбила его из колеи, когда, после долголетней суровой ссылки, разочаровываясь в своих силах, он решает посвятить себя гравюру. За последнее время в Новопетровской крепости, на обратном пути — на волжском пароходе, в Нижнем-Новгороде в ожидании правительственного разрешения о праве въезда в столицу и уже после возвращения туда исполнен им ряд портретов его друзей, приятелей и знакомых. К довольно раннему периоду его творчества принадлежит публикуемый в настоящем сборнике портрет Гоголя.

Как это ни странно, но Шевченко и Гоголь, эти два великих украинца, не были знакомы друг с другом, хотя с 1831—1836 гг. они одновременно проживали в Петербурге, хотя в их жизни мы сталкиваемся со следующим явлением: почти одни и те же лица стали близкими друзьями того и другого. Через Жуковского Гоголь познакомилась с Плетневым, Пушкиным и другими представителями литературного мира и Жуковский деятельнейшим образом способствовал выкупу Тараса из неволи. И на всех смежных этапах, ведущих к заключительному моменту — к освобождению Шевченко, действовали люди, близкие к Гоголю. Тут мы имеем дело с Гребенкой, его лицейским товарищем, тут его земляк В. И. Григорович, конференц-секретарь Академии Художеств, с которым он встречался у скульптора Федора Толстого, тут придворный живописец Венецианов, автор его в 1834 г. литографированного портрета, тут граф Вельгорский, тут можно бы назвать целую галерею лиц общих знакомых и друзей Шевченко и Гоголя. Не состоялось личное знакомство конечно не по вине Тараса Григорьевича, всю жизнь преклонявшегося перед гениальностью своего компатриота. Об этом говорит стихотворение «Н. В. Гоголю», посвященное ему в 1844 г., об этом свидетельствуют отзывы о нем на страницах дневника, об этом читаем мы в письме к Варваре Николаевне Репниной, их общей приятельнице²: «...Перед Гоголем должно благоговеть, как пред человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежною любовью к людям!» И дальше: «...Гоголь истинный водитель сердца человеческого! Самый мудрый философ и самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним, как перед человекомлюбом! Я никогда не перестану жалеть, что мне не удалось познакомиться лично с Гоголем. Личное знакомство с подобным человеком неоцененно. В личном знакомстве случайно иногда открываются такие прелести сердца, что не в силах никакое перо изобразить»³. Но «в прелести сердца» Гоголя, в сердечность в отношении к нему Тарас Григорьевич до конца повидимому не верил. В глубине души осталась повидимому какая-то незабытая обида — чувство обойденного, вызванное быть может индифферентным отношением к нему, бывшему крепостному помещика Энгельгардта, представителя привилегированно-дворянского класса, всю жизнь стремившегося в высшее общество.

И в тяжелую минуту в жизни, в ссылке, когда он, лишенный права рисовать, обращается к влиятельным столичным друзьям о помощи и, по ассоциации вспоминая Гоголя, просит княжну Репнину о присылке его адреса, он горестно, тоном глубокой обиды замечает: «...Я напишу ему по праву малороссийского виршеплета, а лично его не знаю», и тут же прибавляет: «я теперь, как падающий в бездну, готов за все ухватиться — ужасна безнадежность»⁴.

В 1839 г., по возвращении из-за границы, Гоголь после короткого пребывания в Москве⁵ вместе с Аксаковым, его сыном и дочерью совершили путешествие в северную столицу. Здесь Тарас второй год уже учится в Академии Художеств. 22 апреля 1838 г. он получил отпускную и в тот же день туда был принят. Его уже отличили серебряной медалью второго достоинства за рисунок с натуры⁶. Он выдвигается в области портретной живописи и несколько лет как пишет на заказ акварельные портреты.

В этот свой приезд в столицу Гоголь, по словам Аксакова⁷, находился в большом денежном затруднении, все ожидал каких-то благ от императрицы для устройства и экипировки своих сестер, кончивших Патриотический институт. Гоголь остановился в Петербурге в Зимнем дворце у Жуковского⁸, с которым еще больше сблизился за последний год в Риме⁹, и тот для него был связующим звеном с высшим обществом. Кроме того здесь процветал нежинский кружок. Неужели ни в Риме, ни тут, в Петербурге, ни Жуковский, ни Гребенка, ни другие земляки не сообщили Гоголю о сложном выкупе Тараса, об его успехах, тем более, что интерес Жуковского к своему протеже не пропал? Во время своего последнего заграничного путешествия — в Риме и Германии¹⁰ — Жуковский увлекся искусством назарян и рисунки представителей этой группы художников — Корнелиуса и Гесса¹¹, привезенные им оттуда, он показывал у себя на дому Тарасу и лучшему его другу Штеренбергу¹². Гоголь не мог не знать об «Овидиевом превращении»¹³ своего земляка, но ему, баловню высшего общества, было не до этого, и Шевченко опять не удостоился его внимания, так же как в следующее его пребывание в Петербурге в 1842 г., когда ему в последний раз представилась возможность лично познакомиться с тогда уже известным автором «Кобзаря». Дальше уже их пути не скрещивались. Шевченко с 1847 по 1857 г. изнемогает в ссылке, а Гоголь с 1842 по 1848 г. разъезжает по Западу, паломничает в Палестину и, вернувшись в Россию, кончает свою жизнь в Москве 21 февраля 1852 г.

* * *

«Последнее мое свидание с Гоголем было в 1839 г. в Петербурге, — рассказывает его приятель и биограф Анненков, — когда он остановился в Зимнем дворце у Жуковского. Первые главы «Мертвых душ» уже были написаны и однажды вечером, явившись в голубом фраке с золотыми пуговицами с какого-то обеда к старому товарищу своему Н. Я. Прокоповичу, он застал там всех скромных безызвестных друзей и почитателей, которыми еще дорожил в то время»¹⁴. «Гоголь оставил Петербург в двадцатых числах декабря 1830 г. К этому времени, или быть может к самому началу 1840 г. — в дальнейшем мое предположение будет мотивировано — я отношу его портрет работы Шевченко, находившийся в Московском Государственном Историческом Музее. Портрет поступил туда вместе с автопортретом Тараса Григорьевича масляной живописью 1840 г. и с портретом его друга Михаила Семеновича Щепкина его же работы (карандаш, белила) 1858 г.¹⁵ из коллекции Бахрушина. Так как изображенное лицо и художник лично не были знакомы, то возникает вопрос, какими данными пользовался Шевченко, т. е. какие изображения Гоголя могли быть ему известны? Во-первых, литографированный портрет работы Венецианова, относящийся к 1834 г. Даже если его отпечатали, как полагает П. А. Ефремов, первый исследователь иконографии Гоголя, и в крайне ограниченном числе экземпляров и может быть для самых близких и знакомых друзей Гоголя¹⁶, то Тарас Григорьевич мог видеть его у самого автора, у близко стоявшего к нему Гребенки, у кого-нибудь из членов украинского землячества. Во-вторых, зарисовка артиста П. А. Каратыгина во время генеральной репетиции «Ревизора» 18 апреля 1836 г.¹⁷ В-третьих, групповой портрет 1835 или 1836 г. в кабинете Жуковского вместе с последним, Пушкиным, Одоевским и Кольцовым¹⁸. В-чет-

ПОРТРЕТ Н. В. ГОГОЛЯ РАБОТЫ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО
Исторический Музей, Москва

вертых, акварельный портрет работы Жерена, который я считаю прототипом нашего портрета¹⁹. В альбоме Пушкинской юбилейной выставки в Петербурге (май 1899 г.) про него сказано: «Гоголь, Николай Васильевич. Портрет акварелью времен Пушкина, раб. академика Жерена».

При жизни Пушкина, т. е. до 1837 г., портрет работы Жерена не был написан, так как не соответствует облику Гоголя того времени. До отъезда в Италию тип его нам известен: гладко выбритое лицо, коротко стриженные волосы, хохол. Таким изобразил его Венецианов, таким мы его знаем на групповом портрете в кабинете Жуковского, таким зарисовал его Каратыгин в день генеральной репетиции «Ревизора» 18 апреля 1836 г. Через 1½ месяца приблизительно — 6 июня — Гоголь, издерганный, усталый от всех волнений, связанных с постановкой «Ревизора», оставляет Россию. Из Италии он возвращается с округленным лицом, с длинными волосами, с эспаньолкой, с усами. Про внешность его после приезда из-за границы в 1839 г. передает нам С. Т. Аксаков: «Наружность Гоголя так переменилась, что его можно было не узнать: следов не было прежнего, гладковыбритого и обстриженного (кроме хохла) франтика в модном фраке! Прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам; красивые усы, эспаньолка довершали перемену; все черты лица получили совсем другое значение: особенно в глазах, когда он говорил, выражалась доброта, веселость и любовь ко всем; когда же он молчал и задумывался, то сейчас изображалось в них серьезное стремление к чему-то высокому. Сюртук, вроде пальто, заменил фрак, который Гоголь надевал только в совершенной крайности. Самая фигура Гоголя в сюртуке сделалась благообразнее»²⁰. Все это совпадает с портретом работы Жерена.

Н. М. Сперанский в своей статье «Портреты Н. В. Гоголя» делит всю иконографию его на три группы: портреты ранние, изображающие Гоголя жизнерадостным, претендующим на элегантность и внешний лоск, портреты переходного периода и наконец, начиная с 40-х годов, портрет зрелого возраста²¹. По поводу датировки портрета работы Жерена Н. М. Сперанский к определенному заключению не приходит, но не сомневается, что тут перед нами изображение Гоголя переходного периода. Не ясно ему все-таки, почему портрет, если он исполнен до 1836 г., т. е. до смерти Пушкина²², не похож ни на венециановский 1834 г., ни на зарисовку Каратыгина 1836 г., а носит все черты «позднейшей физиономии Гоголя»²³ — усы, эспаньолку и характерную прическу. И еще одно сомнение у него насчет даты: в те годы, к которым, по его мнению, относится портрет — 1835 — 1836 — Гоголь в Москве не бывал, а миниатюрист Жерен проживал постоянно в старой столице, где был преподавателем рисования. Дело обстоит по-иному: портрет писал не Иван Жерен-старший²⁴, как сказано у Сперанского, а сын его — Иван Жерен-младший. Портрет Гоголя — единственная достоверная работа Ивана Жерена-младшего²⁵, получившего в 1842 г. звание неклассового художника по миниатюрной живописи. В 1839 г., в момент возвращения Гоголя из-за границы, его, по всей вероятности как миниатюриста, уже знали, тем более, что он с этим видом живописи по традиции был связан. Писал ли Жерен портрет в Москве или Петербурге, писал ли его по собственному желанию или по заказу — это из-за скудости биографических данных, имеющихся о нем, установить трудно. Скорее всего портрет был заказан Гоголем для одного из его многочисленных петербургских друзей.

На основании вышеуказанных соображений, можно предположить, что Жерен писал Гоголя в 1839 г., а наш портрет был заказан по всей вероятности одним из его почитателей у Шевченко уже после его отъезда из Петербурга (если бы портрет был исполнен при нем, то старались бы писать его с натуры), т. е. на вторую половину декабря того же 1839 г. или в начале следующего года. Шевченко взял у Жерена все черты внешнего облика Гоголя, вернувшегося из-за границы, — длинные волосы, эспаньолку, усы, задумчивое и спокойное выражение лица и ту же одежду — платочный галстук и сборчатые рукава сюртука. Только самый сюртук передан Тарасом Григорьевичем — его портрет поясной, а жереновский оплечный — более ясно: однобортный с отложным воротником по моде того времени. В таком сюртуке мы видим Гоголя в Риме на вилле Зинаиды Волконской, беседующим с хозяйкой дома и с Шевыревым (рисунок пером, исполненный Жуковским²⁶ приблизительно за год до нашего портрета).

* * *

Тарас Григорьевич был принят в Академию не без соответствующих знаний, не без соответствующего опыта. Об этом говорят его мастерски исполненные акварельные портреты доакадемического периода, из которых самый ранний нам известный — портрет Энгельгардта²⁷ — датирован 1833 г. Не подлежит сомнению, что Тарас до поступления в унизительные условия к петербургскому живописным дел мастеру Ширяеву (ок. 1831—1832 г.) кистью уже владел, так как художник только постепенно доходит до такого мастерства, только постепенно овладевает такой художественной культурой, какой отличается его акварельный портрет 1833 г. и все остальные следующих лет²⁸. Если его первые учителя, у которых он систематически занимался, как полагают, действительно были Рустем²⁹ в Вильне и Франц Лампи³⁰ в Варшаве, то он может называться достойным их учеником.

Через год после поступления в Академию — в 1839 г. — Тарас, как уже упомянуто было, получил серебряную медаль за рисунок с натуры и снова через год — вторую. 27 сентября 1840 г. на заседании, состоявшемся в Академии по поводу присуждения наград ученикам, запротоколировано в журнале под графой: «Второго достоинства» Тарас Шевченко за первый опыт его живописи масляными красками — картину «Нищий мальчик, дающий хлеб собаке»; сверх того положено объявить ему, Шевченко, похвалу³¹. После акварельной живописи, где достиг он большого мастерства, Шевченко только в Академии знакомится с техникой масляной живописи. Об этом он сам рассказывает в своей автобиографической повести «Художник»³²: «...по утрам в девять часов я ужоу в живописный класс (я уже делаю этюды масляными красками и прошедший экзамен получил третий номер...)». Наш портрет — это первый нам известный из его портретов масляной живописи или скорее — вообще первый портрет, исполненный им этой техникой. Я его отношу к концу 1839 г. — к самому началу 1840 г. по двум причинам: во-первых, мы уже имели возможность убедиться, что Гоголь со своей измененной внешностью, каким он изображен у Шевченко, только в октябре 1839 г. появился в Петербурге и что заказан портрет после его отъезда³³, а во-вторых, что произведения Шевченко масляной живописью, исполненные им в продолжение 1840 г., более высокого качества, чем наш портрет. Значит возникновение нашего портрета относится к промежутку времени между отъездом Гоголя и появлением следующих шевченковских работ этой техники. К 1840 г. принадлежит его премированная картина «Нищий мальчик, дающий хлеб собаке» и кроме того его автопортрет³⁴. Но какая колоссальная разница между последним и нашим портретом! Автопортрет — типичная академическая работа, исполненная под непосредственным влиянием обожаемого им учителя Карла Брюллова. Тут все имеет свое место, все выполнено, как требовалось, но чувствуется и сам автор: смелый мазок, карнация, посадка головы, свободно падающие пряди волос — во всем жизнь, движение, даже в плаще с как будто бы вибрирующими лацканами.

Наш портрет лишен свободы, размаха. В формате автор еще придерживается привычного ему до сих пор размера акварельной миниатюры³⁵. Медленно и робко он водит кистью по небольшому пространству холста³⁶. Чувствуются первые шаги в области новой техники. Волосы не разработаны, они действуют как сплошная масса, а под синеваато-зеленоватым сюртуком чувствуется не промоделированное тело, а манекен. Невольно вспоминаем мы тут его ранние акварельные портреты, где умело переданы им смелый поворот головы, оживленные лица и женское тело, просвечивающее сквозь воздушные ткани³⁷. Отрицательные стороны нашего портрета объяснимы, во-первых, непривычкой пользоваться масляной живописью и, во-вторых, еще тем, что художник писал не с натуры. Он нам дал портрет синтетический. Выше перечислены те образцы, которыми Шевченко, по моим предположениям, мог пользоваться, но весьма возможно, что имелись в его распоряжении еще и другие изображения Гоголя, не дошедшие до нас. Эта компиляция, хотя и художественная, лишает наш портрет непосредственности, свежести, экспрессии, динамики. Глаза как будто бы стеклянные, вставленные, улыбка застыла на губах. Вся поза жеманно-провинциальная. Удачно исполнен галстук, но осо-

бенно хорошо — в типично шевченковской манере — проработан подбородок. Дугообразные брови, миндалевидный разрез глаз также отличительная черта Шевченко-портретиста. Надо только вспомнить портреты г-жи Горленко, г-жи Маевской, княгини Кейкуановой, даже портреты, писанные им после ссылки, чтобы убедиться, как глубоко определенные приемы сидели в художнике. Фон на нашем портрете однотонный, темно-зеленый, почти плоскостный, только наложенный на нижнюю часть слой коричневой краски придает ему иллюзорную выпуклость. Овал, вписанный в прямоугольник, обрамляет портрет. И тут типично шевченковская черта: портреты овалы, но еще больше — портреты овалы, вписанные в прямоугольник, встречаются у него на протяжении всего его творчества. В этой манере исполнены портреты Закревской и Закревского, упомянутые уже изображения Маевской и Кейкуановой, несколько его автопортретов и еще многие другие. Наш портрет подписной. Слева внизу обычным шевченковским бисерным почерком помечено: «Т. Шевч.»

Слава Шевченко-портретиста публикацией нашего портрета не увеличится, так как последний принадлежит к слабым его произведениям. Но зато он проливает свет на определенный этап творчества Тараса Григорьевича, на момент перехода его к новой технике — масляной живописи — и к новому формату. Огромные полотна и в будущем у него не встречаются, но к настоящей миниатюрной живописи, которая культивировалась им в начале его художественной деятельности, он впоследствии только изредка возвращается. И еще в одном отношении наш портрет достоин быть извлеченным из недр музейного хранения и стать достоянием широких масс, а именно: из-за любопытного сочетания изображенного лица и автора, из-за сплетения имен двух великих людей, земляков и современников, но выразителей двух диаметрально противоположных классов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Переписка Шевченко». Изд. Укр. Ак. Наук 1929, стр. 46. Письмо к Жуковскому относится к первым числам января 1850 г.

² Репина, кн., Варвара Николаевна (1808—1891). Гоголь с ней познакомился в 1836 г. в Баден-Бадене, Шевченко — в 1843 г. в Яготине, в имении ее отца Николая Григорьевича Репина (генерал-губернатора Малороссии с 1816 по 1834 г.) и с тех пор их объединяла искренняя дружба.

³ «Переписка», стр. 47—48. Письмо от 7 марта 1850 г.

⁴ Там же, стр. 42. Письмо от 1 января 1850 г.

⁵ Гоголь пробыл в Москве с 26 сентября по 26 октября 1839 г.

⁶ 29 сентября 1838 г. «Сборник материалов для истории Импер. Акад. Худ. за столет» под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1865 г., т. II, стр. 384.

⁷ Аксаков, С. Т., История моего знакомства с Гоголем.

⁸ Жуковский в то время был воспитателем наследника, в будущем Александра II.

⁹ В Риме Жуковский пробыл с конца ноября 1838 г. по 1839 г.

¹⁰ В продолжение 1838 и 1839 гг. Жуковский путешествовал со своим воспитанником-наследником по Западу.

¹¹ Корнелиус, Петер (1783—1867) — знаменитый в свое время немецкий художник. Принадлежал к группе так называемых назарян, ставивших своим идеалом древне-немецкую религиозную живопись и итальянскую времен прерафаэлитов. Его творчество, пропитанное глубокой религиозностью, лишено живописности. Преобладает графический элемент, с годами ставший более сухим, почти схематичным. С 1836 г. работает в Риме по поручению баварского короля Людвига I. — Гессе (а не Гессе, как сказано у Шевченко), Генрих (1798—1863) — живописец и литограф, также принадлежавший к группе назарян. См. «Дневник», стр. 43. В 1839 г. Жуковский, возвратившись из Германии с огромным портфелем, наполненным произведениями Корнелиуса и Гессе, писал: «Оба юноши с здоровыми задатками живописцев-реалистов скептически отнеслись к длинным безжизненным мадоннам, окруженным готическими тощими херувимами немецких идеалистов-живописцев» (там же, стр. 43).

¹² Штернберг, Василий Иванович (1818—1845) — талантливый художник, близкий друг Шевченко. Как пенсионер Академии Художеств послан в Италию. Умер в Риме.

¹³ «Киевская Старина» 1887, т. I, стр. 222. «Художник» — автобиографическая повесть Шевченко. «Овидиево превращение» — выражение его, относящееся к быстрой и счастливой перемене его жизни.

¹⁴ Анненков, П. В., Воспоминания, стр. 28.

¹⁵ Последние оба портрета переданы в Музей им. Шевченко в Харькове.

¹¹ «Русская Старина» 1879, сентябрь, стр. 173—174.

¹⁷ «Исторический Вестник» 1883, сентябрь, стр. 734. П. Каратыгин, Портрет Гоголя, рисованный П. А. Каратыгиным. «Во время одной репетиции «Ревизора» Каратыгин, находясь за кулисами, набросал карандашом на обертке своей роли, сложенной пополам, тот самый портрет Гоголя, каллиграфическая копия с которого, сделанная в Париже известным гравером Панкемакером, прилагается к настоящей книжке «Исторического Вестника». По рассказам покойного П. А. Каратыгина это было на утренней репетиции в воскресенье 18 апреля 1836 г., т. е. накануне первого представления «Ревизора»: на этой зарисовке дата «1835», но она неправильна и должна быть более позднего происхождения».

¹⁸ Первый приезд Кольцова в Петербург относится к 1835 г., второй к 1836 г. Все указанные здесь портреты воспроизводились в книге М. Н. Сперанского «Портреты Н. В. Гоголя». Москва, 1909 г.

¹⁹ Вскоре после приезда Гоголя из Италии, т. е. в октябре 1839 г., его знакомым, художником Мамоновым, был исполнен его портрет карандашом во время чтения «Мертвых душ» в доме П. В. Нащокина в Москве. Даже если Шевченко, что весьма сомнительно, с этим изображением Гоголя был знаком, оно на наш портрет никакого влияния иметь не могло, так как оно с ним абсолютно расходится.

²⁰ Аксаков, С. Т., История моего знакомства с Гоголем, стр. 16.

²¹ «Гоголевский сборник», Киев, 1902 г. М. Н. Сперанский, Портреты Н. В. Гоголя, стр. 123.

²² На грани находится портрет работы Мазера 1840 г., написанный в Москве уже после приезда Гоголя из Петербурга, а дальше идут портреты работы Молера, Иванова, относящиеся ко второму пребыванию Гоголя в Италии, и др.

²³ Гоголь оставил Россию за год до смерти Пушкина — в 1836 г.

²⁴ Жерен, Иван (старший). В 1808 г. избран Академией Художеств в «назначенные» по миниатюрной живописи, в 1809 г. получил звание академика. Оба — отец и сын — умерли около 1850 г.

²⁵ Thieme-Becker. Allgem. Künstlerlexikon. Leipzig. 1920, т. XIII, стр. 463.

²⁶ Оригинал находится в Публичной Библиотеке в Ленинграде и воспроизведен в гетовском сборнике, изданном «Литературным Наследством», стр. 483.

²⁷ Находится в Музее им. Шевченко в Харькове.

²⁸ Портреты Гребенки и молодой женщины из семьи Абаза 1837 г. и портрет Лунина 1838 г. находятся в Музее им. Шевченко в Харькове. Тут повидимому сказывается также влияние Петра Федоровича Соколова (1787—1848), талантливого акварелиста, с которым Шевченко считался: «Я больше придерживаюсь Соколова; Гау мне не нравится: приторно-сладкий». См. «Художник», стр. 203.

²⁹ Рустем, Иоанн (род. в Пере — ум. в Вильне в 1836 г.) — ученик Норблина и Баччиарелли.

³⁰ Лампи, Франц (1782—1852) — младший сын Лампи-старшего. Учился в Вене у Фюгера; с 1815 г. в Варшаве. Баталист, портретист. Писал также пейзажи и пасторали.

³¹ «Сборник материалов Имп. Ак. Худ.» под ред. П. И. Петрова, т. II, стр. 406.

³² «Художник», стр. 200.

³³ Гоголь оставил Петербург в 20-х числах декабря 1839 г.

³⁴ Речь идет об автопортрете, находившемся раньше в Московском Гос. Историческом Музее.

³⁵ Размер 20 × 17 см.

³⁶ Портрет исполнен на холсте, бывшем уже в употреблении. На обороте изображены золотом на голубом фоне в аляповатой манере мигра и крест.

³⁷ Портрет женщины из семьи Абаза. 1837 г.